

А. П. Сквородников, Г. А. Копнина
Красноярск, Россия

ЛИНГВИСТИКА ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ: К ОБОСНОВАНИЮ И ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена обоснованию выделения лингвистики информационно-психологической войны как особого научного направления, связанного с изучением языка и речевых технологий информационно-психологического противоборства. Обоснована актуальность, обозначены предметное поле, методологические основания и проблематика этого направления, его основной терминологический аппарат, выявленные путем аналитико-описательного метода. Отмечается междисциплинарный характер информационно-психологической войны как объекта исследования и предлагается ее наиболее общая формулировка. Особое внимание уделяется проблеме определения понятийного аппарата лингвистики информационно-психологической войны (таких его составляющих, как субъект, актор, объект, мишень, стратегии, тактики, информационное оружие и др.) и необходимости поиска критериев для квалификации текстов как принадлежащих дискурсу информационно-психологической войны. В статье названы речевые сферы, в которых осуществляется информационно-психологическая война, и некоторые жанровые предпочтения ее акторов с приведением иллюстративного материала (памфлет, фельетон, рецензия, такие малоформатные комические жанры, как политический анекдот, политическое стихотворение, сатирический комментарий). Отмечается, что информационно-психологическая война в наше время выходит за рамки публицистической речи и осуществляется в текстах рекламных, дипломатических и даже художественных. Разработка лингвистики информационно-психологической войны будет способствовать созданию технологий противодействия информационно-психологической агрессии против России, подготовке специалистов в области информационной безопасности личности и общества, а также содействовать взаимообогащению гуманитарных дисциплин, прежде всего таких, как философия, психология, история и культурология.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: информационная война; информационно-психологическая война; лингвистика информационно-психологических войн.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Сквородников Александр Петрович, доктор филологических наук, профессор, профессор-консультант кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации, Сибирский федеральный университет; 660041, Красноярск, пр-т Свободный, 82а; e-mail: skapnat@mail.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Копнина Галина Анатольевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации, Сибирский федеральный университет; 660041, Красноярск, пр-т Свободный, 82а; e-mail: gkopnina@mail.ru.

Сложившаяся политическая обстановка в мире характеризуется жестким противоборством сторон в отстаивании политических и экономических интересов и позволяет исследователям говорить об информационных войнах. Эти войны признаются не менее опасными, чем вооруженные столкновения, поскольку их результатом может быть нанесение непоправимого ущерба объекту воздействия (стране, народу, группе лиц и т. д.), вплоть до его полного уничтожения.

Учитывая инвариантные признаки информационной войны, которые содержатся в многообразных дефинициях этого термина [Операции 2015; Расторгуев 2003; Крынина 2009 и др.], определим информационную войну как противоборство сторон, возникающее из-за конфликта интересов и идеологий и осуществляемое путем целенаправленного информационного воздействия друг на друга с использованием специальных технологий для получения определенного преимущества в материальной и/или идеологической сфере и защиты собственной информационной безопасности.

В наиболее обобщенном виде выделяются два типа информационной войны: информационно-техническая война и война информационно-психологическая. В информационно-технической войне воздействие осуществляется на системы связи и управ-

ления: компьютерные и телекоммуникационные системы, радиоэлектронные средства, средства защиты информации и другие информационно-технические системы; в информационно-психологической войне объектом воздействия является психика человека, общественное сознание [Панарин 2012; Почепцов 2000: 56; Смирнов 2013: 83; Соколова 2007: 19 и др.].

Информационно-психологическая война (иногда ее называют просто психологической или отождествляют с информационной войной) является междисциплинарным объектом исследования. Она изучается в разных аспектах (приведем далее в качестве примера по два-три источника на каждый аспект):

- психологическом [Сенявская 1999; Психология господства и подчинения 1998; Зелинский 2008];
- историко-политическом [Эйдук 2008; Беляев 2014; Воронцова, Фролов 2006];
- политологическом [Бедрицкий 2007; Лисичкин, Шелепин 2005; Филоненко 2006];
- социологическом [Чистяков 2007; Швец 2005];
- философском [Керсновский 2010; Расторгуев 2003; Снесарев 2003];
- правовом [Лопатин 2000; Изолитов 2008] и некоторых других.

Такая многоаспектность исследований информационно-психологической войны об-

условливает существование ее различных дефиниций. Предложим наиболее общую формулировку этого понятия, не противоречащую существующим определениям, но учитывающую роль языка и речи в психологическом воздействии. Информационно-психологическая война — это противостояние сторон, которое возникает из-за конфликта интересов и осуществляется путем намеренного, прежде всего речевого, воздействия на сознание противника (народа, коллектива или отдельной личности) для его когнитивного подавления и/или подчинения, а также посредством использования мер информационно-психологической защиты от такого воздействия. Хотя исследователи отмечают, что «информационная война — это прежде всего вербальная война» [Синельникова 2014: 96], в современном языкознании оказываются исследованными лишь некоторые речевые стратегии и языковые средства политической коммуникации, которые могут использоваться в информационно-психологической войне. Между тем комплексная разработка лингвистического аспекта информационно-психологических войн чрезвычайно важна для совершенствования государственной политики противодействия информационно-психологической агрессии против России.

Анализ публикаций в СМИ позволяет заключить, что русский язык в наше время является не только средством создания текстов антироссийской информационно-психологической войны, но и мишенью в этой войне. Специально конструируемые тексты применяются агрессорами для провоцирования конфликтов на территории России, искажения ее истории, духовно-нравственных ценностей, влияния на общественное сознание. Используемые речевые технологии, приемы и средства негативного информационно-психологического воздействия и сопротивления ему должны стать объектом специального лингвистического исследования.

Полагаем, что можно говорить о лингвистике информационно-психологической войны (далее — ЛИПВ) как о таком направлении современного языкознания, объектом изучения которого является специфика использования языка как средства ведения информационно-психологических войн. Предметом ЛИПВ являются речевые технологии (речевые стратегии, тактики, приемы и реализующие их языковые средства), мотивированные соответствующими целями.

В основе методологии ЛИПВ лежат концептуальные положения философии войны (в том числе философии информационной

войны), психологии воздействия (включая теорию манипуляции общественным сознанием), теории коммуникации и таких лингвистических дисциплин, как прагмалингвистика, политическая лингвистика, нейролингвистика, этнолингвистика, медиалингвистика, гендерная лингвистика, когнитивная лингвистика, этнолингвистика, лингвокультурология, лингвоконфликтология. ЛИПВ использует совокупность традиционно сложившихся методик исследования речи и текста, включающую дискурс-анализ, контекстуальный анализ, интенциональный анализ, стилистический анализ, семантический анализ, дистрибутивный анализ, статистический анализ и некоторые другие методы.

Основной методологической проблемой для лингвистов, изучающих информационно-психологическую войну, является создание системы критериев, позволяющих квалифицировать речевое произведение как информационно-психологическое оружие. Представляется, что анализ изолированного высказывания, фрагмента текста или даже целого текста часто не дает оснований для его квалификации как оружия информационно-психологической войны. Например, чтобы приведенные ниже тексты, дающие негативную оценку тому или иному объекту, квалифицировать названным выше образом, необходимо их рассматривать в контексте дискурса автора или издания (а также других информационных каналов) в определенный период времени:

- *Вчера во время очередной сессии парламента в зал ворвались двое вооруженных бандитов. Они извинились за опоздание и заняли свои места* (АиФ. 2010. № 11);

- *Холод измеряется в градусах, надежность строительства — доверием общества. Сегодня степень доверия такая: если наше правительство скажет, что весной на деревьях появятся зеленые листочки, — ему не поверят! И будут думать: гадать, какую еще каверзу оно замыслило!* (АиФ. 2014. № 6);

- *О. Митволь, безработный, экс-префект Северного округа Москвы: „Меня убрали непонятно за что. Я этим горжусь. Я горжусь тем, что за 6,5 лет моей госслужбы на меня нет компромата, никто ничего мне предъявить не может“.*

Нашли чем гордиться! В сложившейся системе отсутствие компромата на чиновника не достоинство, а недостаток. Хотите вернуться во власть — срочно что-нибудь соприте! (АиФ. 2010. № 43).

Для исследований в области ЛИПВ недостаточно системы понятий, ставших более или менее употребительными в речеведе-

нии: речевое воздействие, речевая стратегия, речевая тактика, речевой жанр, речевая агрессия, речевая манипуляция, языковая демагогия и др. В лингвистических работах, посвященных языку информационно-психологических войн, используются, например, такие терминопонятия, как информационно-психологическое противостояние; информационно-психологическое противоборство; информационно-психологическое воздействие; информационно-психологическое влияние; глобальные и локальные информационно-психологические войны; объект и субъект информационно-психологической войны; канал информационно-психологического обмена; информационно-психологические операции; информационное оружие; методы, приемы и инструментарий (языковые средства) информационно-психологического воздействия; актуализация стереотипов, символов; психологический контекст восприятия и некоторые другие [Тагильцева 2010; Тагильцева 2012; Тагильцева 2013; Рыжкина; Фарина 2010 и др.]. Таким образом, намечается формирование специальной терминологии, обслуживающей ЛИПВ как научное направление.

Соотношение целого ряда терминов является дискуссионным, например следующих: «информационно-психологическая война» и «информационно-психологическое противоборство», «средства информационно-психологического воздействия» и «каналы информационно-психологического воздействия», «объект информационно-психологической войны» и «мишень информационно-психологической войны». В связи с этим выявление и определение базовых понятий ЛИПВ является одной из ее первоочередных задач.

Другая проблема, входящая в круг интересов рассматриваемого лингвистического направления, связана с определением и разграничением субъектов, объектов и мишеней информационно-психологической войны. Одни исследователи к субъектам информационно-психологического воздействия относят информационные системы, прежде всего сознание людей [Тагильцева 2013: 133], другие — различные институты и спецслужбы государств [Авцинова 2011: 42], средства массовой информации, органы пропаганды международных организаций, негосударственные структуры (блогеры, хакеры, неструктурированные сетевые сообщества) и т. п. [Смирнов: 87]. Наблюдения показывают, что понятия объекта и мишени информационно-психологической войны неравнозначны. Если объектом такой войны считать сознание, то мишенями являются понятия и

представления о связанных с объектом сферах действительности, которые подвергаются негативной оценке. Так, в настоящее время мишенями информационно-психологической войны являются властная вертикаль, Русская православная церковь, внешняя политика руководства страны, русский язык, русская литература и т. д. [см.: Сквородников, Королькова 2015].

Выделяют три «уровня» (аспекта) ведения информационно-психологического противоборства: стратегический, оперативный и тактический. «В основном, на стратегическом уровне информационного геополитического противоборства должны действовать высшие органы государственной власти России, а спецслужбы и крупный национальный капитал — на оперативном и тактическом уровнях» [Панарин 2012]. На каждом из названных уровней используются определенные реализующиеся в речи стратегии и тактики. Их систематизация и описание также входят в проблемное поле ЛИПВ с предварительным уточнением самих понятий речевых стратегий и тактик применительно к информационно-психологической войне.

Иногда используется термин «организационная война» для обозначения разного рода мероприятий, направленных на ослабление или уничтожение противника, разрушение его организационных структур. Следовательно, можно говорить об организационном уровне ведения информационно-психологической войны. Примером войны на таком уровне может служить снятие с эфира федерального канала «Россия-24» 38-го выпуска «Бесогона» Никиты Михалкова, которое стратегически объясняется стремлением не допустить в эфир неудобную руководству канала информацию, а тактически оправдывается нарушением корпоративной этики в случае демонстрации этого выпуска: «В эфире каналов холдинга не допускается появление материалов, которые наши коллеги по телевизионному цеху могут расценить как недружественные и тем более — оскорбительные. По опыту 1990-х российское телевидение знает, как возникают и к чему приводят „эфирные войны“» [В ВГТРК объяснили...]. Другим примером организационной войны является широкое распространение так называемых «соросовских» учебников истории, суть которых заключалась в искажении истории России, направленном на изменение национального самосознания и в целом картины мира (подробнее об этом см., например, материал под названием «Уничтожение школы» в газете «Завтра» — 2004 г., № 32).

Ощущается необходимость разработки методики выявления, анализа и типологизации языковых особенностей текстов информационно-психологической войны. Наблюдения над «манипулятивными играми в слова», занимающими важное место в информационной войне, содержатся, например, в книгах некоторых лингвистов: «Кто управляет Россией?» [Миронова 2010], «Игры в слова: манипулятивные операции в текстах СМИ» [Васильев 2013]. Однако не меньший интерес для лингвистов представляют публикации, которые, несмотря на то, что их авторы не являются филологами, содержат отдельные наблюдения над языковыми особенностями текстов информационно-психологической войны, например над креативными «находками» акторов войны: «Так, создано слово „фашизоидный“ как гибрид понятий фашиста и шизофреника и помещено рядом со словом большевистский» [Лисичкин, Шелепин 2005: 308]. И. Н. Панарин пишет, что в конце XX в. широкое распространение получил «метод семантического манипулирования», который состоит «в тщательном отборе слов, вызывающих либо позитивные, либо негативные ассоциации и таким образом влияющих на восприятие информации (наш человек — разведчик, их — шпион и т. д.)» [Панарин 2012]. Или вот, например, наблюдения над использованием языковых средств реализации стратегии компрометации В. И. Ленина: «Среди интеллигенции стало распространяться ироническое отношение к Ленину. В одном из отраслевых институтов был даже выработан эзопов язык, в котором В. И. Ленин обозначался термином „бородейка“, а партработники — термином „пузанок“, рядовые люди, верящие в Ленина, — термином „совки“. Кстати, последний со временем получил очень широкое распространение» [Лисичкин, Шелепин 2005: 174—175].

Немаловажным считаем выявление возможностей тропеических, фигуральных и иных речевых приемов, используемых в информационно-психологической войне. Например, можно отметить широкое употребление приема трансформации прецедентного текста как способа искажения информации: *Социализм — это советская власть плюс электрификация всей колючей проволоки* (Твой Додыр. 2001. № 26). Ср. с высказыванием Ленина: «Коммунизм есть Советская власть плюс электрификация всей страны, ибо без электрификации поднять промышленность невозможно» [Ленин 1970]. Полнота и разнообразие использования речевых приемов в информационно-психологической войне должны составить предмет отдельного исследования.

Интересно замечание Д. Н. Зеркалова, правда, сделанное в ином контексте, о роли языковых средств в формировании исторического сознания народа и в какой-то степени в противостоянии психологическому воздействию: «...если бы удалось вырвать из национального сознания память о Победе, то для народа России была бы уничтожена система „всех важнейших линий интерпретаций настоящего“. Более того, была бы уничтожена система координат для оценки реальности, то есть была бы рассыпана мировоззренческая матрица народа. Он был бы лишен языка („Риторических средств выражения“). Кроме того, народ был бы лишен и общих художественных и эмоциональных средств общения внутри себя и с государством — он утратил бы язык „высоких коллективных чувств“ и язык „лирической государственности“» [Зеркалов 2012: 489].

Важной задачей ЛИПВ является установление коммуникативных сфер и жанровых предпочтений акторов информационно-психологической войны. Обычно исследователи анализируют материалы, публикуемые в СМИ и размещенные в сети Интернет, в меньшей степени — учебные издания, прежде всего по истории той или иной страны. Появились даже термины «сетевые войны» (войны в сети Интернет), «эфирные войны» (войны на телевидении). Так, А. П. Столешников пишет о регулярных публикациях в советской прессе фельетонов Арта Бухвальда: «Я читал их паренком еще в 1960-е годы и через них тоже заболел низкопоклонством перед Америкой. А почему они их печатали? Фельетоны Арта Бухвальда, разумеется, были об Америке. Но они были проникнуты такой мягкой критикой и такой внутренней симпатией к Америке, что они воспринимались в духе „Нам бы их проблемы“» [Столешников 2014: 7].

Проявления информационно-психологической войны встречаются в публицистике, художественной литературе, кинематографе. Так, А. А. Бернацкой принадлежит статья «Художественный текст как пространство информационно-психологической войны (на материале романа/повести А. А. Зиновьева „Катастрошка“» [Бернацкая 2015]. Пример, касающийся сферы кинематографа, описан был в газете «Культура»: «В феврале выйдет первый игровой фильм национальной чеченской кинокомпании, зарегистрированной как ООО „Грозный-Фильм“ им. шейха Мансура (был в XVIII веке такой проповедник джихада „до последнего неверного“). Называется картина „Пепел“. О чем она? Думаете, о борьбе позитивных сил в Чечне с террористами? Или о преступлениях

дудаевского режима, устроившего еще до первой чеченской войны массовый геноцид русского населения в Чечне? Ошибаетесь. Фильм экранизирует историю, появившуюся в печати в 1989 году, в ходе проводимой Яковлевым по заданию Горбачева тотальной «декоммунизации» и «десталинизации». Якобы в 1944 году при депортации невольных чеченцев из тыла наших сражающихся войск в Казахстан, злые энкавэдэшники взяли да и сожгли в сельской конюшне не то 200, не то 700 мирных чеченцев. Ну, чтобы не возиться, спуская их с гор. Разумеется, по фильму, все эти русские — сплошь садисты, пьяницы и наркоманы. <...> Но сегодня на волне роста национального самосознания кавказских народов прокатывают и подобные вещи. Удивительным образом синхронизируясь по времени и с волгоградскими взрывами, и с призывами о мусульманском «походе на Москву»... Ведь не случайно новоиспеченную страшилку о «сожжении русскими варварами чеченских детей в ауле Хайбах» собираются выпустить на экраны именно 23 февраля — в День защитника Отечества» (Культура. 2014. № 1).

Борьба против России, ее национальных ценностей и лидеров ведется не только в кинематографе, но и в критических отзывах о кинофильмах. Для того чтобы убедиться в этом, можно сравнить рецензии на фильм Владимира Бортко «Тарас Бульба». Приведем фрагменты двух рецензий:

1. *Картинка в духе парадных полотен Глазунова. <...> В школе нам талдычили про национально-освободительную борьбу русско-украинского народа и героические характеры, вступившие в смертельный бой с польскими захватчиками. Мрачная сторона этой повести открылась много позже. Как и разрывной в трагических противоречиях характер Тараса, затеявшего войну не только из патриотического рвения. Чужими руками, ловкой демагогией он свергает мирного и мудрого кошевого. И братья его «козаки» в войне нуждались, чтобы, мародерствуя лихо, от долгов освободиться. Оттого и призыв Тараса им понятнее всех мировых: «Да ведь он басурман: и Бог, и Святое Писание велит бить басурманов!» <...>*

Умирают герои один за другим — монументально, статуарно, кроваво. В смертный час со знаменательными речами к товарищам взывая: «Товарищи, за всех христиан!», «Пусть же стоит во все времена православная русская земля!» Ну, натурально, митинг во славу России и православия (Новая газета. 2009. № 33);

2. *Сейчас уже начались споры вокруг фильма, эпос или пафос показал Бортко.*

Не вижу в таком противопоставлении никакого смысла, потому что хорошо представляю пафос без эпоса, но не представляю эпоса без пафоса. Главное, что удалось Бортко, — это выразить мысль Гоголя, что в жизни человека есть нечто более высокое, чем сама жизнь, и заразить этой мыслью актеров. Ведь одно дело — сказать, что лучше умереть стоя, чем жить на коленях, а другое дело — сыграть. <...> И если это пафос, и ничего больше, то пусть будет только пафос — а то жизни без пафоса мы уже наелись под завязку. Уже тошнит. Да, красавец Кукубенко умирает в грязи, под копытами лошадей — сейчас бы сказали, как собака. Он тоже мог любить и быть любимым, как Андрий. А теперь его истерзанное тело едва ли кто-нибудь похоронит. Но: «Садись, Кукубенко, одесную меня! — скажет ему Христос, — ты не изменил товариществу, бесчестного дела не сделал, не выдал в беде человека, хранил и сберегал мою Церковь»» (Литературная газета. 2009. № 15).

Информационно-психологическая война ведется также с использованием малоформатных комических жанров, мишенью которых является Русская православная церковь. Приведем стихотворный текст и политический анекдот:

1. *Дорога к храму очень непроста.*

Ведь ждут на ней нас,

грешников убогих,

Работники кадила и креста,

Храмовники с большой дороги.

Властям лизнули нужные места,

И вместо келий выросли чертоги

Работников кадила и креста,

Угодников с большой дороги.

Красиво врут елейные уста.

А несогласных приютят в остроге

Работники кадила и креста

Затворники с большой дороги

[Анекдоты про РПЦ];

2. *Краснознаменное гбславление*

— До 1991 года у нас был «развитой коммунистический социализм»...

— А что теперь?

— Недоразвитый православный чекизм [Анекдоты из России].

Основным жанром, тяготеющим к тематике информационно-психологической войны, является памфлет. В качестве примера можно привести публикации «Корейское» Д. Быкова (Новая газета. 2014. № 115), «Демократура» Л. Шахова (Жизнь. 2013. № 26) и «Кавалер ордена Иуды» Вл. Шурыгина (Завтра. 2011. № 10).

Информационно-психологическая война ведется и в политическом рекламном дис-

курсе. Таково, например, начало антирекламной статьи, направленной против Г. А. Зюганова в период президентских выборов 1996 г.:

Геннадий Андреевич Зюганов... Человек и паролод. Совесть униженных и обездоленных. Надежда ленивых и заблудших. Ностальгия престарелых и недалеких (это уже независимо от возраста). Что мы знаем о нем? Что знали мы о нем лет 5—7 назад? Какие его труды читали? На каких видели баррикадах?...

Не знали и не знаем. Не читали и не видели. С моста его не сбрасывали, голову на рельсы он не клал, оркестром не дирижировал. Одним словом, темная лошадка (Очевидец. 1996. № 61).

Примером ответного информационного удара, направленного на отражение информационной агрессии против России, может служить речь Президента В. В. Путина на 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке. Приведем фрагмент его выступления: *Достаточно посмотреть на ситуацию на Ближнем Востоке и в Северной Африке, о чем говорил предыдущий выступавший. Конечно, политические, социальные проблемы в этом регионе назревали давно, и люди там, конечно, хотели перемен. Но что получилось на деле? Агрессивное внешнее вмешательство привело к тому, что вместо реформ государственные институты да и сам уклад жизни были просто бесцеремонно разрушены. Вместо торжества демократии и прогресса — насилие, нищета, социальная катастрофа, а права человека, включая и право на жизнь, ни во что не ставятся [70-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН].*

Исследователи выделяют приоритетные направления государственной политики России по противодействию информационно-психологическим атакам [Авцинова 2011: 46; Мушта 2009: 41; Панарин 2012]. Языковой аспект проблемы противодействия такой войне должен входить в круг вопросов лингвистики информационно-психологической войны. Примером информационного противостояния и одновременно контрманипуляции может служить публикация в газете «Завтра», в которой доказывалось, что в слове «ватники», которое русофобы пытаются сделать символом отсталости, неполноценности русского народа, на самом деле нет ничего оскорбительного. Автор статьи пишет, что ватник — удобная и привычная русская одежда; в ватнике любил ходить император Александр Третий; войну с фашистами выиграли в ватниках; это «самая массовая и самая демократичная зимняя одежда в мире, спасающая от холода миллионы

жизней»; в ватнике проходил лагерный срок А. Солженицын; в нем ходили нобелевский лауреат Иосиф Бродский, Борис Пастернак, Виктор Астафьев, Василий Шукшин. «Ватник на сегодня — это самая известная русская одежда. Ватник у миллионов людей символизирует не лентяев и лодырей, не пьяниц и воришек, а как раз, наоборот — все самые героические деяния народа: период великих строек, период великой войны, период восстановления, или же самые трагические периоды в жизни страны: лагерные репрессии, ссылки, тяжелый труд. Так что ватник — это звучит гордо» (Завтра. 2015. № 21).

Методология ЛИПВ диктует необходимость обращения к разработкам многих дисциплин, в первую очередь политической лингвистики. Например, большую значимость для ЛИПВ имеют исследования политической метафористики (см.: [Баранов, Караулов 1994; Чудинов 2003; Чудинов 2013; Будаев, Чудинов 2008] и др.), поскольку метафора является одним из способов конструирования картины мира — одного из объектов психологического воздействия. Эти исследования дают богатый материал для аналитического осмысления и обобщений.

Разработка лингвистики информационно-психологической войны как особого научного направления, изучающего язык и речевые технологии информационно-психологического противоборства, будет содействовать взаимообогащению ряда гуманитарных дисциплин, прежде всего таких, как философия, психология, история и культурология. Взаимодействие ЛИПВ с этими и другими дисциплинами может составить содержание отдельной научной публикации, поэтому в этой статье ограничимся приведением некоторых наблюдений журналистов над связью языка и культуры, языка и истории. Например, на высказывание Алексея Цветкова, начинающееся словами «Обрекая себя на русскую духовность...», журналист реагирует таким образом: «И не так уж важно, чем завершает живущий в Праге А. Цветков свой пассаж. Неприятно уколола фальшь в начале фразы. <...> Искажается изначальный смысл творчества и самой культуры, поскольку обречать можно лишь на бездуховность» (Литературная газета. 2013. № 14). Другой пример связан с оценкой стратегии «очернения» истории страны: «К сожалению, в России ее великое прошлое всячески топтали в 90-е годы. И до сего дня этим занимаются такие теле-подмастерья, как Н. Сванидзе, Л. Млечин и их единомышленники среди историков, деятелей культуры и политики, прикрываясь „восстановлением исторической правды“» (Завтра. 2013. № 51). Та-

кую ситуацию в исторической науке профессор Санкт-Петербургского государственного университета В. С. Брачев объясняет, приводя высказывание профессора И. Я. Фроянова: «...совершенно понятно, чем им всем не угодила наша классическая историческая наука. Она им просто как кость в горле, потому что историческая наука формирует национальное самосознание. Известно, что знание истории делает человека гражданином» (Литературная газета. 2011. № 5).

Сказанное в этой статье свидетельствует о высокой степени актуальности такого научного направления, как лингвистика информационно-психологической войны, поскольку эта война разворачивается в настоящее время в России и именно лингвисты способны помочь государству и обществу противостоять ей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авцинова Г. Тенденции информационной войны против России // Обозреватель. 2011. № 7. С. 37—49. URL: http://observer.materik.ru/observer/N7_2011/037_049.pdf.
2. Анекдоты из России. URL: <http://www.anekdot.ru/id/313345/>.
3. Анекдоты про РПЦ. URL: <http://www.vysokovskiy.ru/anekdot/rpts/>.
4. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Словарь русских политических метафор. — М.: Помовский и партнеры, 1994.
5. Бедрицкий А. В. Реализация концепции информационной войны военно-политическим руководством США на современном этапе: автореф. ... канд. полит. наук. — М., 2007.
6. Беляев Д. Разруха в головах. Информационная война против России. — СПб.: Питер, 2014. 256 с.
7. Бернацкая А. А. Художественный текст как пространство информационно-психологической войны (на материале романа/повести А. А. Зиновьева «Катастрофа») // Экология языка и коммуникативная практика. 2015. № 2. С. 197—223. URL: http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2015/12/Bernatskaya-A.A._1.pdf.
8. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политической коммуникации. — М.: Наука : Флинта, 2008.
9. Васильев А. Д. Игры в слова. Манипулятивные операции в текстах СМИ. — СПб.: Центр «Златоуст», 2013.
10. В ВГТРК объяснили снятие с эфира передачи Михалкова «Бесогон ТВ» // Lenta.ru. 2015. 14 дек. URL: <http://lenta.ru/news/2015/12/14/besogon/>.
11. Волковский Н. Л. Журналистика в информационных войнах: исторические истоки и современные тенденции : дис. ... д-ра филол. наук. — СПб., 2003.
12. Воронцова Л. В., Фролов Д. Б. История и современность информационного противоборства. — М.: Горячая линия Телеком, 2006.
13. Зелинский С. А. Информационно-психологическое воздействие на массовое сознание. Средства массовой коммуникации, информации и пропаганды — как проводник манипулятивных методик воздействия на подсознание и моделирования поступков индивида и масс. — СПб.: Скифия, 2008. URL: http://www.mediagram.ru/netcat_files/108/110/h_1eaf80e566efbfa041bafd712f9b13c.
14. Зеркалов Д. В. Информационные войны : моногр. — Киев : Основа, 2012. URL: <http://zerkalov.org.ua/files/ivm-z.pdf>.
15. Изолитов А. С. Уголовно-правовые аспекты обеспечения информационной безопасности Российской Федерации в условиях действия исключительных правовых режимов : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2008.
16. Керсновский А. А. Философия войны. — М.: Изд-во Москов. Патриархии, 2010.
17. Крынина О. Ю. Дефиниции понятия «информационная война»: анализ российского и зарубежного опыта // Новые

- технологии. 2009. № 3. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/definitii-ponyatiya-informatsionnaya-voyna-analiz-rossiyskogo-i-zarubezhnogo-opyta>.
18. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. — М.: Изд-во полит. литературы, 1970. URL: <http://uaio.ru/vil/42.htm>.
19. Лисичкин В. А., Шелепин Л. А. Война после войны: информационная оккупация продолжается. — М.: Алгоритм : Эксмо, 2005.
20. Лопатин В. Н. Информационная безопасность России : дис. ... д-ра юрид. наук. — СПб., 2000.
21. Миронова Т. Л. Кто управляет Россией? — М.: Алгоритм, 2010.
22. Мушта О. П. Информационная агрессия против России в условиях глобализации // Информационная безопасность регионов : науч.-практ. журн. 2009. № 1. С. 37—41. URL: http://seun.ru/content/nauka/5/1/doc/1_4_2009.pdf.
23. Операции информационно-психологической войны : краткий энцикл. слов.-справ. / В. Б. Вепринцев, А. В. Манойло, А. И. Петренко, Д. Б. Фролов ; под ред. А. И. Петренко. 2-е изд., стер. — М.: Горячая линия — Телеком, 2015.
24. Панарин И. Н. СМИ, пропаганда и информационные войны. — М.: Поколение, 2012. 411 с. URL: <http://x-libri.ru/elib/panrn001/index.htm>.
25. Почепцов Г. Г. Информационные войны. Основы военно-коммуникативных исследований. — М.: Рефл-бук ; Киев : Ваклер, 2000. URL: http://www.ligis.ru/librari_2/049/contents.html.
26. Психология господства и подчинения : хрестоматия / сост. А. Г. Чернявская. — Минск : Харвест, 1998.
27. Расторгуев С. П. Философия информационной войны. — М.: Вузовская книга : МПСИ, 2003.
28. Рыжкина Е. В. Фразеология как оружие информационной войны. URL: <http://www.tsutmb.ru/rgnf-obyavlyat-konkurs-ekspertov-2013-goda>.
29. Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. — М.: РОССПЭН, 1999.
30. Синельникова Л. Н. Информационная война ad infinitum: украинский вектор // Политическая лингвистика. 2014. № 2 (48). С. 95—101.
31. Сковородников А. П., Королькова Э. А. Речевые тактики и языковые средства политической информационно-психологической войны в России: этико-прагматический аспект (на материале «Новой газеты») // Политическая лингвистика. 2015. № 3 (53). С. 160—172. URL: <http://journals.uspu.ru/attachments/article/984/21%20Skovorodnikov.pdf>.
32. Смирнов А. Информационно-психологическая война. Об одном средстве международного информационного противоборства. 2013. URL: http://www.intelros.ru/pdf/svobodnay_misl/2013_06/8.pdf.
33. Снесарев А. Е. Философия войны. — М.: Финансовый контроль, 2003.
34. Соколова А. М. Информационные войны в условиях глобализации: социально-философский анализ : дис. ... канд. филос. наук. — Красноярск, 2007.
35. Столешников А. П. США против России. Информационные войны в Интернете // Русский вестник. 2014. № 7. С. 7.
36. Тагильцева Ю. Р. Война и мир: основные способы выхода из информационно-психологической войны // Политическая лингвистика. 2013. № 3. С. 133—138.
37. Тагильцева Ю. Р. Локальные информационно-психологические войны: особенности развития в современной России // Политическая лингвистика. 2010. № 4. С. 171—175. URL: <http://elibrary.ru/download/38764626.pdf>.
38. Тагильцева Ю. Р. Методологический анализ информационно-психологической войны: теоретический аспект // Политическая лингвистика. 2012. № 4 (42). С. 175—178. URL: <http://elibrary.ru/download/30402657.pdf>.
39. Фарина А. Я. Анализ современных форм, методов и приемов информационно-психологического воздействия по каналам СМИ // Вестн. МГУ. 2010. Вып. 2 (581). С. 247—266. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/analiz-sovremennyh-form-metodov-i-priemov-informatsionno-psihologicheskogo-vozdeystviya-po-kanalam-smi>.
40. Филоненко М. И. Психологическая война немецко-фашистских войск против частей Красной Армии и населе-

ния временно оккупированных территорий в годы Великой Отечественной войны: на материалах Воронежской области. 1942—1943 гг. : дис. ... канд. ист. наук. — Воронеж, 2006.

41. Чистяков Д. В. Управление информационно-психологической защитой социальной организации как фактор обеспечения безопасности личности: социологический аспект : дис. ... канд. социол. наук. — М., 2007.

42. Чудинов А. П. Очерки по современной политической метафорологии : моногр. — Екатеринбург, 2013.

43. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации : моногр. — Екатеринбург, 2003.

44. Швеиц Д. Ю. Информационная безопасность Российской Федерации в современных международных отношениях : дис. ... канд. социол. наук. — М., 2005.

45. Эйдук Д. В. «Образ врага» и перспективы войны в русской периодической печати в 1914—1915 гг.: по материалам газеты «Утро России» : дис. ... канд. истор. наук. — СПб., 2008.

46. 70-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50385>.

A. P. Skovorodnikov, G. A. Kopnina
Krasnoyarsk, Russia

LINGUISTICS OF INFORMATION-PSYCHOLOGICAL WAR: ON SUBSTANTIATION AND DEFINITION OF THE TERM

ABSTRACT. *The article substantiates the distinguishing of linguistics of information-psychological war as a special scientific area, connected with the study of language and speech technologies of information-psychological confrontation. The authors define the urgency, object field, methodological principles and problems of this area, its basic terminological apparatus with the help of the analytical-descriptive method. The article argues the inter-disciplinary character of information-psychological war as an object of research and proposes its most general definition. Particular attention is paid to the problem of definition of the basic notions of linguistics of information-psychological war (such as subject, actor, object, target, strategies, tactics, information weapons, etc.) and the need to search for the criteria for qualification of texts as belonging to the discourse of information-psychological war. The article designates speech areas in which information-psychological war takes place and some genre preferences of its actors and provides illustrative material (pamphlet, satirical article, review, and such small-scale comic genres as political anecdote, political poem, and satirical comment). It is noted that nowadays information-psychological war goes beyond the scope of publicistic speech and is carried out in advertising, diplomatic and even fiction texts. The development of linguistics of information-psychological war would promote the creation of technology of opposition of information-psychological aggression against Russia, training of specialists in the sphere of information security of individual person and society and mutual enrichment of humanitarian sciences such as philosophy, psychology, history and culturology.*

KEYWORDS: *information war; information-psychological war; linguistics of information-psychological wars.*

ABOUT THE AUTHOR: *Skovorodnikov Aleksandr Petrovich, Doctor of Philology, Professor-Consultant of Department of Russian, Literature and Speech Communication, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia.*

ABOUT THE AUTHOR: *Kopnina Galina Anatol'evna, Doctor of Philology, Associate Professor of Department of Russian, Literature and Speech Communication, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia.*

REFERENCES

1. Avtsinova G. Tendentsii informatsionnoy voyny protiv Rossii // Obozrevatel'. 2011. № 7. S. 37—49. URL: http://observer.materik.ru/observer/N7_2011/037_049.pdf.

2. Anekdoty iz Rossii. URL: <http://www.anekdot.ru/id/313345/>.

3. Anekdoty pro RPTs. URL: <http://www.vysokovskiy.ru/anekdot/rpts/>.

4. Baranov A. N., Karaulov Yu. N. Slovar' russkikh politicheskikh metafor. — M.: Pomovskiy i partnery, 1994.

5. Bedritskiy A. V. Realizatsiya kontseptsii informatsionnoy voyny voenno-politicheskim rukovodstvom SShA na sovremennom etape : avtoref. ... kand. polit. nauk. — M., 2007.

6. Belyaev D. Razrukha v golovakh. Informatsionnaya voyna protiv Rossii. — SPb.: Piter, 2014. 256 s.

7. Bernatskaya A. A. Khudozhestvennyy tekst kak prost-ranstvo informatsionno-psikhologicheskoy voyny (na materiale romana/povesti A. A. Zinov'eva «Katastryka») // Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika. 2015. № 2. S. 197—223. URL: http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2015/12/Bernatskaya-A.A._1.pdf.

8. Budaev E. V., Chudinov A. P. Metafora v politicheskoy kommunikatsii. — M.: Nauka : Flinta, 2008.

9. Vasil'ev A. D. Igra v slova. Manipulyativnye operatsii v tekstakh SMI. — SPb.: Tsentr «Zlatoust», 2013.

10. V VGTRK ob'yasnili snyatie s efira peredachi Mikhalkova «Besogon TV» // Lenta.ru. 2015. 14 dek. URL: <http://lenta.ru/news/2015/12/14/besogon/>.

11. Volkovskiy N. L. Zhurnalistika v informatsionnykh voy-nakh: istoricheskie istoki i sovremennye tendentsii : dis. ... d-ra filol. nauk. — SPb., 2003.

12. Vorontsova L. V., Frolov D. B. Istoriya i sovremennost' informatsionnogo protivoborstva. — M.: Goryachaya liniya Telekom, 2006.

13. Zelinskiy S. A. Informatsionno-psikhologicheskoe voz-deystvie na massovoe soznaniye. Sredstva massovoy kommunikatsii, informatsii i propagandy — kak provodnik manipulyativnykh metodik vozdeystviya na podsoznanie i modelirovaniya postupkov individa i mass. — SPb.: Skifiya,

2008. URL: http://www.mediagram.ru/netcat_files/108/110/h_1eaf80e566efbfa041bafd712f9b13c.

14. Zerkalov D. V. Informatsionnye voyny : monogr. — Kiev : Osnova, 2012. URL: <http://zerkalov.org.ua/files/ivm-z.pdf>.

15. Izolitov A. S. Ugolovno-pravovyye aspekty obespecheniya informatsionnoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii v usloviyakh deystviya iskl'yuchitel'nykh pravovykh rezhimov : dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2008.

16. Kersnovskiy A. A. Filosofiya voyny. — M.: Izd-vo Moskov. Patriarkhii, 2010.

17. Krynina O. Yu. Definititsii ponyatiya «informatsionnaya voyna»: analiz rossiyskogo i zarubezhnogo opyta // Novyye tekhnologii. 2009. № 3. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/definititsii-ponyatiya-informatsionnaya-voyna-analiz-rossiyskogo-i-zarubezhnogo-opyta>.

18. Lenin V. I. Polnoe sobranie sochineniy. Izd. 5-e. — M.: Izd-vo polit. literatury, 1970. URL: <http://uaio.ru/vil/42.htm>.

19. Lisichkin V., Shelepin L. Voyna posle voyny: informatsionnaya okkupatsiya prodolzhaetsya. — M.: Algoritm : Eksmo, 2005.

20. Lopatin V. N. Informatsionnaya bezopasnost' Rossii : dis. ... d-ra yurid. nauk. — SPb., 2000.

21. Mironova T. L. Kto upravlyaet Rossiyey? — M.: Algoritm, 2010.

22. Mushta O. P. Informatsionnaya agressiya protiv Rossii v usloviyakh globalizatsii // Informatsionnaya bezopasnost' regionov : nauch.-prakt. zhurn. 2009. № 1. S. 37—41. URL: http://seun.ru/content/nauka/5/1/doc/1_4_2009.pdf.

23. Operatsii informatsionno-psikhologicheskoy voyny : kratkiy entsikl. slov.-sprav. / V. B. Veprintsev, A. V. Manoylo, A. I. Petrenko, D. B. Frolov ; pod red. A. I. Petrenko. 2-e izd., ster. — M.: Goryachaya liniya — Telkom, 2015.

24. Panarin I. N. SMI, propaganda i informatsionnye voyny. — M.: Pokolenie, 2012. 411 s. URL: <http://x-libri.ru/elib/panrn001/index.htm>.

25. Pocheptsov G. G. Informatsionnye voyny. Osnovy voenno-kommunikativnykh issledovaniy. — M.: Refl-buk ; Kiev : Vakler, 2000. URL: http://www.lgis.ru/librari_2/049/contents.html.

26. Psikhologiya gospodstva i podchineniya : khrestomatiya / sost. A. G. Chernyavskaya. — Minsk : Kharvest, 1998.
27. Rastorguev S. P. Filosofiya informatsionnoy voyny. — M. : Vuzovskaya kniga : MPSI, 2003.
28. Ryzhkina E. V. Frazeologiya kak oruzhie informatsionnoy voyny. URL: <http://www.tsutmb.ru/rgnf-obyavlyaet-konkurs-ekspertov-2013-goda>.
29. Senyavskaya E. S. Psikhologiya voyny v KhKh veke: istoricheskiy opyt Rossii. — M. : ROSSPEN, 1999.
30. Sinel'nikova L. N. Informatsionnaya voyna ad infinitum: ukrainskiy vektor // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 2 (48). S. 95—101.
31. Skovorodnikov A. P., Korol'kova E. A. Rechevye taktiki i yazykovye sredstva politicheskoy informatsionno-psikhologicheskoy voyny v Rossii: etiko-pragmaticheskiy aspekt (na materiale «Novoy gazety») // Politicheskaya lingvistika. 2015. № 3 (53). S. 160—172. URL: <http://journals.uspu.ru/attachments/article/984/21%20Skovorodnikov.pdf>.
32. Smirnov A. Informatsionno-psikhologicheskaya voyna. Ob odnom sredstve mezhdunarodnogo informatsionnogo protivoborstva. 2013. URL: http://www.intelros.ru/pdf/svobodnay_misl/2013_06/8.pdf.
33. Snegarev A. E. Filosofiya voyny. — M. : Finansovyy kontrol', 2003.
34. Sokolova A. M. Informatsionnye voyny v usloviyakh globalizatsii: sotsial'no-filosofskiy analiz : dis. ... kand. filos. nauk. — Krasnoyarsk, 2007.
35. Stolesnikov A. P. SShA protiv Rossii. Informatsionnye voyny v Internetе // Russkiy vestnik. 2014. № 7. S. 7.
36. Tagil'tseva Yu. R. Voyna i mir: osnovnye sposoby vykhoda iz informatsionno-psikhologicheskoy voyny. 2013. № 3. S. 133—138. URL: <http://elibrary.ru/download/22735574.pdf>.
37. Tagil'tseva Yu. R. Lokal'nye informatsionno-psikhologicheskie voyny: osobennosti razvitiya v sovremennoy Rossii // Politicheskaya lingvistika. 2010. № 4. S. 171—175. URL: <http://elibrary.ru/download/38764626.pdf>.
38. Tagil'tseva Yu. R. Metodologicheskiy analiz informatsionno-psikhologicheskoy voyny: teoreticheskiy aspekt // Politicheskaya lingvistika. 2012. № 4 (42). S. 175—178. URL: <http://elibrary.ru/download/30402657.pdf>.
39. Farina A. Ya. Analiz sovremennykh form, metodov i priemov informatsionno-psikhologicheskogo vozdeystviya po kanalām SMI // Vestn. MGLU. 2010. Vyp. 2 (581). S. 247—266. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/analiz-sovremennykh-form-metodov-i-priemov-informatsionno-psikhologicheskogo-vozdeystviya-po-kanalam-smi>.
40. Filonenko M. I. Psikhologicheskaya voyna nemetsko-fashistskikh voysk protiv chastey Krasnoy Armii i naseleniya vremenno okkupirovannykh territoriy v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: na materialakh Voronezhskoy oblasti. 1942—1943 gg. : dis. ... kand. ist. nauk. — Voronezh, 2006.
41. Chistyakov D. V. Upravlenie informatsionno-psikhologicheskoy zashchitoy sotsial'noy organizatsii kak faktor obespecheniya bezopasnosti lichnosti: sotsiologicheskiy aspekt : dis. ... kand. sotsiol. nauk. — M., 2007.
42. Chudinov A. P. Ocherki po sovremennoy politicheskoy metaforologii : monogr. — Ekaterinburg, 2013.
43. Chudinov A. P. Metaforicheskaya mozaika v sovremennoy politicheskoy kommunikatsii : monogr. — Ekaterinburg, 2003.
44. Shvets D. Yu. Informatsionnaya bezopasnost' Rossiyskoy Federatsii v sovremennykh mezhdunarodnykh otnosheniyakh : dis. ... kand. sotsiol. nauk. — M., 2005.
45. Eyduk D. V. «Obraz vruga» i perspektivy voyny v russkoy periodicheskoy pechati v 1914—1915 gg.: po materialam gazety «Utro Rossii» : dis. ... kand. istor. nauk. — SPb., 2008.
46. 70-ya sessiya General'noy Assamblei OON. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50385>.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.